

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.33

ИДЕЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Н. Д. Грачёв

Саратовский государственный университет
E-mail: nik76@bk.ru

Статья посвящена рассмотрению трансформации идеи суверенитета под влиянием изменений, происходящих в структуре современного социального пространства. Процесс глобализации разрушает соотношение физического и социального пространства, что заставляет заново переосмысливать идею суверенитета и возможность ее применения в социально-философском знании.

Ключевые слова: суверенитет, социальное пространство, глобализация, национальное государство.

**Idea of the Sovereignty in Space of a Modern Society:
Socially-philosophical Aspect**

N. D. Grachev

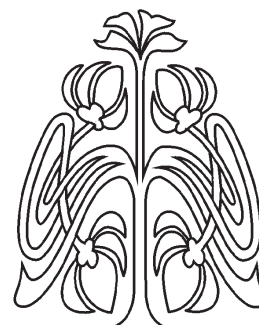
Article is devoted to consideration of transformation of idea of the sovereignty according the influence of changes occurring in structure of modern society. Globalization process destroys a parity of physical and social space. That forces to reinterpret an idea of the sovereignty and possibility of its application in socially-philosophical knowledge anew.

Key words: sovereignty, social space, globalization, national state.

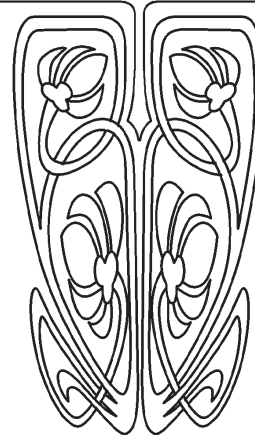
Суверенитет является одним из наиболее существенных признаков государства как политического субъекта, что зачастую приводит к рассмотрению его исключительно в политологической плоскости. Тем не менее сама идея суверенитета демонстрирует ее взаимосвязь с глубинными проблемами социально-философского дискурса: свободы и ее политического ограничения, взаимосвязи индивида и государства, государства и общества, а также пространственного измерения социального бытия.

С момента возникновения категории «национальное государство» суверенитет воспринимался в качестве неотъемлемой черты такой формы политической организации. Неудивительно поэтому, что первым теоретиком суверенности государственного строя стал французский философ Ж. Боден – современник основоположников теории общественного договора Т. Гоббса и Д. Локка. В рамках современной социально-философской теории понятие суверенитета означает, что «юрисдикция государства распространяется на всю его территорию и на всех людей, проживающих на этой территории, в силу суверенитета государство обладает правом устанавливать связи с другими государствами, защищать и реализовывать свои интересы»¹. Уже в этом определении устанавливается неразрывная связь между суверенитетом и определенным пространством, на которое он распространяется.

Для Ж. Бодена естественным представлялось непосредственное соответствие между ограниченной территорией и правом государства осуществлять на ней управление, возвышаясь над остальными политическими и социальными силами. Как и идея национального государства, идея суверенитета основывалась на соответствии фи-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

зического и социального пространства, когда пограничные столбы и другие атрибуты государственного разграничения не только маркируют территории проживания различных этнических и культурных общностей, но и обозначают пределы власти правителя или правительства.

Становление идеи суверенитета сопровождалось решением целого ряда социально-онтологических вопросов, один из которых – о легитимности политической власти. Несмотря на то что это понятие появилось в словаре социальных наук только в результате исследований М. Вебера, вопрос об истоках политической власти и тех причинах, которые заставляют граждан ее признавать и ей подчиняться, был поставлен еще в Средние века. Для Ф. Аквинского легитимность государственной власти обуславливалась божественной волей. Принцип соответствия земной и небесной иерархий являлся основанием для подчинения власти земных правителей. Эпоха Нового времени демонстрирует новые основания легитимации политической власти – для Ж. Бодена, как и для представителей теории общественного договора, подчинение государственной власти обусловлено тем, что она является продуктом осознанного выбора самого народа. Иначе говоря, легитимность суверенной государственной власти кроется не в ней самой, а в том обстоятельстве, что источником любой власти в обществе является народ.

Идея суверенитета, поставившая интересы разрозненных социальных групп под контроль государственной власти, оказалась необходимой в условиях становления национальных государств, пришедших на смену феодальной раздробленности. Но этот период, как справедливо замечает С. Краснер, заканчивается, когда актуализируются глобализационные процессы, наносящие кардинальный удар по сложившейся структуре социального и политического пространства². Суверенитет следует воспринимать не как универсальный политический феномен, определяющий онтологические основания сферы политического, а как сугубо контекстуальное явление, возникшее для решения конкретных политических задач, но обладающее определенным запасом инерции, позволяющим ему практически в неизменном виде оставаться актуальной политической характеристикой на протяжении вот уже четырех столетий.

При этом многообразии аспектов функционирования идеи суверенитета на протяжении ее истории, а также вариативность форм ее репрезентации в конкретной политической реальности заставляет обратиться к выявлению более дробных номинаций. С. Краснер обосновывает возможность рассмотрения суверенитета в четырех основных формах:

1) внутренний суверенитет как принцип организации публичной власти в государстве и контроля над ней со стороны общества;

2) взаимозависимость, позволяющая контролировать трансграничные передвижения;

3) международный правовой суверенитет, утверждающий равноправие государств на международной арене;

4) «вестфальский» суверенитет, запрещающий внешним акторам вмешиваться в распределение властных полномочий внутри государства³.

Эти четыре формы демонстрируют весь спектр проявлений государственной суверенности по отношению к собственным гражданам, нарушению собственных границ, а также границ сопредельных государств и, наконец, к мировому сообществу в целом. Выполнение данных функций позволило национальному государству, сформированному на основании Вестфальской системы соглашений еще в XVII в., благополучно справиться с центробежными тенденциями и выступить мощным фактором сплочения и конструирования наций⁴.

Четкая сегментация социального пространства в соответствии с географическими границами политических субъектов стала адекватным вызовом тем угрозам, которым европейские государства подвергались на ранней стадии своего становления. По словам А. Кустарёва, «манипулирование территорией сдерживалось не юридически, а идеологически, то есть культом родной земли, родины, но этот фактор становится все слабее, по мере того как ослабляется националистический *Zeitgeist* и усиливаются рациональные соображения. Территориальный суверенитет, вообще говоря, никогда не претендовал на доктринальную неотчуждаемость территории. Он всего лишь означал право на распоряжение территорией, а это предполагает продажу, переуступку, сдачу в аренду, хотя также и сохранение за собой»⁵. Но разрушение концепции национального государства в современных условиях заставляет по-новому оценить функциональность данных форм суверенитета и их соответствие соблюдению демократических прав и свободы личности.

Внутренний суверенитет, по мнению основоположников концепции общественного договора, должен был состоять в создании централизованной власти, которая получает полномочия от народа, но обладает правом использовать данные полномочия даже в том случае, если народ возражает против их применения. В сосредоточении власти в руках одного человека или собрания людей Гоббс и усматривал сущность государства. Развернутое же определение последнего, содержащееся в «Левиафане», гласит: «...государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты»⁶.

В этом определении следует обратить внимание на три момента:

1) государство есть единое лицо. Это не означает, что во главе государства должен обязательно стоять один человек, суверенная власть может принадлежать и собранию людей. Но в обоих случаях власть государства едина и нераздельна, она сводит волю всех граждан в «единую волю»;

2) люди, создавшие государство путем взаимного договора, не только санкционируют все его действия, но и признают себя ответственными за эти действия;

3) верховная власть может использовать силы и средства подданных так, как сочтет это необходимым для их мира и защиты. При этом она не несет какой-либо ответственности за свои действия перед подданными и не обязана отчитываться за них.

В современной ситуации внутренний суверенитет рассматривается в первую очередь в качестве основания для выбора гражданами альтернативных моделей управления, одна из которых закрепляется как официально признанная. Западными теоретиками либерализма (например, И. Берлином) предполагалось, что наиболее адекватной формой политического управления является демократия (можно вспомнить по этому поводу знаменитую фразу У. Черчилля: «Демократия – не лучшая, а наименее худшая из возможных форм правления»). Вместе с тем термин «демократия» является достаточно многозначным, подразумевая значительную степень вариативности в выборе конкретных механизмов обеспечения доступа народа к власти. Нетрудно заметить, что между демократией греческого полиса и, например, современной концепцией «электронной демократии» пролегает огромная пропасть, хотя в обоих случаях высшей ценностью признается благо народа.

Подразумеваемая «суверенность» той или иной формы правления (монархия для Т. Гоббса, либеральная демократия – для И. Берлина) в условиях современной конкуренции идей и ценностей представляется не столь очевидной. Доведение до логического завершения принципа политической плюралистичности позволяет вести речь о возможности создания «суверенной демократии», сам принцип теоретизации которой делает суверенность основанием для индивидуального политического развития, совмещающего следование общечеловеческим ценностям с опорой на местную культурную и социальную реальность⁷.

Суть суверенитета взаимозависимости заключается в приоритете государства по отношению к иным социальным и политическим субъектам в выборе форм пересечения государственной границы, т. е. в определении степени угрозы в той или иной форме для территориальной целостности и независимости государства. По словам

Е. Кузнецовой, «суверенитет взаимозависимости, по существу, обозначает способность государства осуществлять контроль над финансовыми, людскими, товарными потоками, проходящими через границу государства»⁸. Возможность такого контроля в современном сообществе существенно снизилась, что создает дополнительные риски для безопасности граждан в условиях террористической и ядерной угрозы, но при этом не влияет на суверенность самого государства. Таким образом, угроза гражданам и угроза государству при условии следования классической идее суверенитета оказываются факторами, далеко не всегда совпадающими друг с другом.

Суть внешнего суверенитета заключается в репрезентации определенной общности людей – граждан данного государства – на международной арене, хотя этот аспект суверенности вторичен по отношению к внутреннему, так как только делегирование полномочий определенному правящему субъекту позволяет ему выступать от лица государства. Ключевой в данной ситуации становится проблема соотношения внешнего и внутреннего суверенитета, т. е. легитимности внутригосударственной и внешнегосударственной. Существование внутреннего суверенитета оказывается возможным только в условиях жесткой политической изоляции, что в современном мире является практически нереальным. Пример Северной Кореи и Кубы демонстрирует, с одной стороны, возможность достижения определенных соглашений на международной арене даже при отсутствии официального признания их правительств. С другой стороны, признание легитимности правящего субъекта на межгосударственном уровне еще не позволяет ему получить поддержку в самой стране.

Наконец, так называемый вестфальский аспект суверенитета заключается в доктрине невмешательства в дела других государств и требования такого же отношения к себе. Такая доктрина становится орудием в руках достаточно слабых политических образований, пытающихся юридически закрепить право на самостоятельное осуществление внутривнутриполитической жизни. Этот принцип, как показывает политическая практика, несмотря на свое императивное значение, также оказывается фиктивным, поскольку не исключает воздействия на внутреннюю политику государства экономическими или иными способами.

Таким образом, в современных условиях идея суверенитета позволяет по-новому ставить вопрос о пределах свободы, причем в двух аспектах. Во-первых, в ситуации кризиса либералистской (договорной) модели государственного устройства переосмыслению подвергается свобода индивида в рамках суверенного государства. Во-вторых, требуется трансформация и самого понятия «суверенное государство», поскольку степень его свободы в принятии политических решений подвергается значительной корректи-

ровке со стороны надгосударственных структур (ООН, МВФ и т. д.).

Подводя итог, следует отметить, что идея суверенитета переживает в настоящее время трудный период, и в связи с этим многие исследователи ставят вопрос о принципиальной несовместимости концепции суверенного государства с существующими тенденциями социально-политического развития. Вместе с тем основными субъектами политического пространства, как показывают события последних лет, по-прежнему являются суверенные государства, число которых не уменьшается, а возрастает (в результате, например, распада Советского Союза и Югославии). Но пути образования новых государств зачастую ведут к нарушению классических признаков суверенитета, что свидетельствует о необходимости концептуального переосмысления суверенности в свете новых горизонтов социально-философского знания. Анализ существующих политических практик подталкивает к поиску новых оснований и гра-

ниц этого понятия, которые позволят адекватно обозначать пределы государственной власти в условиях изменившейся конфигурации мирового политического пространства.

Примечания

- ¹ Гаджиев К. С. Введение в политическую философию. М., 2010. С. 81.
- ² Krasner S. Sovereignty. Organized Hypocrisy. Princeton, 1999. P. 11–12.
- ³ Idem. P. 15.
- ⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001. С. 12–16.
- ⁵ Кустарёв А. Государственный суверенитет в условиях глобализации // Pro et Contra. 2006. № 4. С. 28.
- ⁶ Гоббс Т. Левиафан // Собр. соч. : в 2 т. М., 1961. Т. 1. С. 54.
- ⁷ Сурков В. Ю. Тексты 1997–2007. М., 2008. С. 4–7.
- ⁸ Кузнецова Е. Западные концепции государственного суверенитета // Международные процессы, 2010. Т. 8, № 2(23). С. 15.

УДК 1:316.61

РИСК И ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛИЧНОСТИ

В. С. Ерохин

Саратовский государственный университет
E-mail: V.S.Erohin@mail.ru

Статья посвящена анализу риска, жизненного пространства личности и положения риска в этом пространстве. Утверждается, что личность представляет собой ценностный субъект, проявляющий себя в пространственно-временном континууме. Полагается, что личность изначально свободна и открыта, она конструирует себя в творческом акте. Риск понимается как событие, имеющее потенциально неблагоприятный исход. Из этого делается вывод, что риск становится сущностной характеристикой личности и показателем ее открытости и способности к самоконструированию.

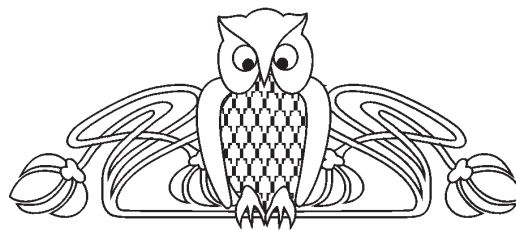
Ключевые слова: личность, идентичность, жизненное пространство, нормативность, свобода, ценность, риск.

Risk and Life-space of Person

V. S. Erohin

Article is devoted to analysis of risk, life-space of the person and researching of correlation among the concept of risk and the concept of life-space of the person. Author argues that the person is a valuable subject, manifesting itself in a space-time continuum. Person is initially free and open and designs itself in creative act. Risk offers as potentially failed event. Consequently, risk becomes basic characteristic of the person. That shows person's openness and ability to self-designing.

Key words: person, identity, life-space, liberty, value, norm, risk.

Основная проблема, рассматриваемая в статье, касается сущности риска и того, каково его место в структуре личности и ее жизненного пространства. Методологическим основанием для исследования является междисциплинарный синтез философских и конкретно-научных подходов. Под личностью понимается ценностный субъект, проявляющий себя в пространственно-временном континууме; телесность личности трактуется не как физико-биологическое тело, а как зависящее от ценностного содержания материально-смысловое поле, в области которого мы можем говорить о ее идентичности. Под телесной организацией мы понимаем материальное воплощение сути человека, выражение того, каким образом человек мыслит, сознает себя в мире. Более того, телесность представляет собой средство самопрезентации личности¹.

Под временным континуумом личности подразумевается историческая характеристика человека – средство нашего внутреннего единства, основание такого внутреннего единения. Одновременно с этим временная данность мыслится как средство выражения смысла, сущности личности.